

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА

На правах рукописи

НИКИТИНА Елена Николаевна

**Акциональность/неакциональность
возвратных глаголов и категория субъекта
(к грамматической сущности категории залога)**

Специальность 10.02.01-10 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2008

**Работа выполнена в Отделе современного русского языка
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.**

Научный руководитель: кандидат филологических наук
Надежда Константиновна Онипенко

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Галина Николаевна Иванова-Лукьянова
(МГЛУ)

кандидат филологических наук
Виктория Евгеньевна Чумирина
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Ведущая организация: ГОУ Московский педагогический
государственный университет,
кафедра русского языка

Защита состоится « 16 » декабря 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д.002.008.01 при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (119019 Москва, Волхонка, д. 18/2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (119019 Москва, Волхонка, д. 18/2).

Автореферат разослан « ___ » ноября 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б.Л. Иомдин

Проблема системно-языкового статуса и функционирования в тексте категории залога важна и для русистики, и для сопоставительного изучения языков. Категория залога является традиционным предметом изучения в русской грамматической науке. Она рассматривается во всех теоретических книгах по грамматике русского языка (см., например, грамматики М.В.Ломоносова, А.Х.Востокова, Ф.И.Буслаева, работы К.С.Аксакова, Г.Павского, труды А.А.Потебни, Ф.Ф.Фортунатова, А.А.Шахматова, В.В.Виноградова, А.В.Исаченко и АГ-54, АГ-70, АГ-80¹). С начала XX в. категория залога обсуждается в связи с проблемой двух- или трехчленной залоговой оппозиции (А.М.Пешковский, Р.О.Якобсон, И.А.Мельчук, Е.В.Падучева, АГ-80, ТФГ², Я.Г.Тестелец), омонимии словообразовательного и словоизменительного аффиксов, т.е. омонимии возвратной лексемы и словоформы (А.В.Исаченко, Н.В.Перцов), представленности валентностной модели глагола в залогово-немаркированном и залогово-маркированном предложении (Е.В.Падучева), «синтаксического нуля» субъекта действия (А.А.Холодович, И.А.Мельчук, В.С.Храковский), синонимии активной и пассивной конструкции (Ю.Д.Апресян, К.И.Бабицкий, Е.В.Падучева), актуального членения и эмпатии (И.М.Кобозева, В.А.Плунгян), контролируемости/неконтролируемости действия (Н.Д.Арутюнова, В.И.Гаврилова), в рамках функционально-семантического поля (ТФГ), а также в связи с позицией говорящего (Коммуникативная грамматика – КГ). Постановка этих вопросов обнаруживает потребности 1) системного описания категории залога, 2) интерпретации текстов, 3) автоматического анализа текстов и машинного перевода.

Настоящая диссертационная работа посвящена интерпретации грамматической категории русского залога (в сфере спрягаемых форм глагола) как в языковой системе, так и в тексте.

¹ АГ-52-60 – Грамматика русского языка. М., 1952-60; АГ-70 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; АГ-80 – Русская грамматика. М., 1980.

² ТФГ – Теория функциональной грамматики.

Актуальность темы диссертации состоит в ее антропоцентрической направленности, в том, что системно-языковой подход соединяется с тексто-интерпретационным, что категория залога исследуется с точки зрения индивидуальной/категориальной семантики глагола, во взаимодействии с синтаксической конструкцией, коммуникативным регистром и моделью субъектной перспективы текста.

Предметом диссертационного исследования являются возвратные глаголы, мотивированные переходными (*моется – моет, кусается – кусает, останавливается – останавливает, читается – читает, пьется – пьет* и т.п.), в их текстовом употреблении.

Цель исследования – установить степень акциональности (способности выражать значение действия) возвратных глаголов по сравнению с мотивирующими переходными, а следовательно, и возможности синтаксической синонимии между активной и пассивной конструкцией; установить причины, влияющие на сохранение или потерю акциональности возвратными глаголами.

Сформулированная таким образом цель определила следующие исследовательские задачи:

- Установить, как индивидуальная/категориальная глагольная семантика влияет на прочтение возвратного глагола;
- Соотнести традиционные типы возвратных глаголов с категорией субъекта (диктального и модусного);
- Рассмотреть текстовые условия (коммуникативный регистр речи, субъектная перспектива, синтаксическая композиция) функционирования возвратных глаголов – тех, в которых контролером энергии является субъект диктума, и тех, в которых субъект или объект действия интерпретируется через субъекта модуса (инклюзивность или эксклюзивность говорящего);

- Установить синтаксические синонимы страдательно-возвратных предикатов и текстовые условия, ограничивающие функционирование возвратных синтаксем со страдательным значением;
- Уточнить семантику именной субъектной синтаксемы Тв. беспредл. в предложениях с возвратно-страдательными предикатами;
- Установить условия прочтения семы Причина в предложениях с возвратными глаголами перемещения и деструкции;
- Рассмотреть модусно-обусловленные возвратные предикаты в рамках художественного текста и установить их роль в субъектной перспективе текста, как средства формирования «образа автора»;
- Рассмотреть средства перевода русских «декаузативов» на английский язык.

Новизна исследования состоит в том, что морфологическая категория залога исследуется в рамках тексто-интерпретационного подхода. Современные инструменты анализа текста (коммуникативный регистр речи, субъектная перспектива текста) соединяются с традиционным объектом – возвратными глаголами. Предложенная методика, в частности, позволила интерпретировать выбор языковых средств при переводе русских художественных текстов с возвратными глаголами на английский язык.

Теоретическая значимость заключается в том, что предложен единый объяснительный механизм для разных типов возвратности; выявлены условия прочтения страдательного и качественно-характеризующего значения в возвратном глаголе; предложены условия установления синонимических отношений возвратно-страдательных предикатов.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания теоретических курсов русской грамматики, в практических курсах для переводчиков, а также в преподавании РКИ.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на конференциях: 2003, ноябрь – МГЛУ, Международная конференция «Русский язык в диалоге культур» – «Категория залога в диалоге грамматических учений»; 2004, март – МГУ, II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» – «Семантика «субъектного» творительного»; 2004, апрель – Эстония, Тарту, Международная конференция молодых филологов – «Текстовые функции возвратных глаголов»; 2005, апрель – МГОУ им. М.А. Шолохова, Международная конференция – «Внешняя точка зрения и возвратная форма глагола речи»; 2005, май – Зарайский Педагогический колледж, Виноградовские чтения – «Иерархия субъектов и страдательное значение возвратного глагола»; 2005, ноябрь – IX Виноградовские чтения «Актуальные вопросы филологии и проблемы столичного образования» – «Позиция субъекта сознания и значение возвратной формы глагола в предложении и тексте»; 2005, ноябрь – МГЛУ, Международная научно-практическая конференция «Функционирование русского языка в Российской Федерации и в зарубежных странах» – «К вопросу о декаузативах»; 2006, январь – МГУ, XXXVII Виноградовские чтения – «Категория залога и точка зрения говорящего»; 2006, февраль – ИРЯ РАН, 7-е Шмелевские чтения «Проблемы языковой нормы» – «Норма и возвратные глаголы совершенного вида»; 2007, март – МГУ, III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» – «Соотношение возвратности и акциональности в семантике русского глагола»; 2007, август – Германия, Берлин – II Congress SLS (Slavic Linguistic Society) – «Russian reflexives in fiction translations».

Структура диссертации: Диссертация состоит из введения, двух теоретических, трех исследовательских глав, заключения и библиографии. Во **Введении** определены цели работы, отмечены новизна и актуальность исследования, показана его теоретическая и практическая значимость.

Первая глава представляет историю изучения категории залога в русистике и обсуждает терминологию и проблематику теории залога. **Вторая глава** содержит обзор работ по проблематике субъекта (в традиционной грамматике, стилистике, теоретической поэтике и тексто-функциональной лингвистике), а также обсуждает категориальное значение действия и интерпретацию разными лингвистическими школами и направлениями понятия «акциональность» (комплекс признаков, в которых проявляется категория действия). **Третья глава** посвящена русскому залогу в традиционном объеме, с единых позиций рассматриваются традиционные разряды возвратности (страдательное и не-страдательные значения). В **четвертой главе** рассматривается страдательное значение возвратных глаголов, обсуждаются способы прочтения страдательного значения в контексте – как ближайшем – глагольной лексики, так и в текстовом окружении. В **пятой главе** предлагается интерпретация возвратных глаголов в субъектной перспективе художественного текста. Рассматриваются возвратные глаголы речи в связи с точкой зрения субъекта сознания в художественном пространстве Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого, а также «декаузативы» в репродуктивном регистре (художественные тексты А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, Андрея Белого, М.А.Булгакова). Особый раздел пятой главы посвящен английским переводам русских «декаузативов». **Заключение** подводит итоги проведенному исследованию.

Содержание работы

В **первой главе** изложена история изучения залога в русистике начиная с XVIII века и в предшествующей грамматической традиции – в церковнославянских грамматиках Юго-Западной Руси (конец XVI – XVII вв.) – и до современных научных теорий (Ленинградская типологическая школа, МСШ, ТФГ, КГ).

В истории русской науки конца XIX – начала XX вв. обнаруживаются два направления в интерпретации залога – общетипологическое, структурное, идущее от языковой формы, и частнолингвистическое (применительно к русскому залогу), исходным пунктом движения в котором является содержательная сторона языка. В работе отмечены тенденции: разница подходов проявляется (1) в определении залога: отношение субъекта к действию – в рамках первого подхода, отношения в триаде субъект/объект/действие – в рамках второго; (2) в делении глаголов на залогов: по морфологическому принципу – в рамках первого, по смысловому – в рамках второго и, как следствие, (3) в количестве залогов – 2 и 3 (и более) соответственно.

Развитие теории русского залога в русистике XX века характеризуется в работе в двух аспектах. С одной стороны, обнаруживается тенденция к сужению глагольного объема, обсуждаемого в связи с залоговой проблематикой: к началу XX в. от собственно залога отошла переходность/непереходность, ко 2-й половине XX в. – все значения возвратности, кроме страдательного (А.В.Исаченко, АГ-70, АГ-80, ТФГ) и, иногда, собственно-возвратного (И.А.Мельчук 1997) или некоторых других в рамках возвратного залога (АГ-52-60, Е.В. Падучева). С другой стороны, действует тенденция к расширению контекста, на фоне которого изучается категория залога, – от пары глагольных форм (актива и пассива) в парадигматически сопоставляемых изолированных предложениях (которые признаются синонимичными на базе пропозиционального (денотативного) тождества) до текста.

Категория залога в русистике оказалась перекрестком, на котором сошлись разные лингвистические идеологии (основанные на приоритете формы, теории или основанные на приоритете содержания, объекта), разные лингвистические дисциплины (морфология, лексика, словообразование, синтаксис), частная лингвистика и типологическая лингвистика, поэтому

современная теория залога складывается из идей, которые сформировались не только в русистике, но и в рамках типологической лингвистики.

В главе дается обзор терминологии и основных проблем категории залога, традиционных для описательной грамматики («нулевая категория», омонимия словообразовательного и словоизменительного аффиксов, актантная структура, залог как суперкатегория и как квазиграммема, позиция «За кадром» и т.п.). Получает освещение и методология объяснительной грамматики (концепция Коммуникативной грамматики – Г.А. Золотова и др.), которая положена в основу настоящего исследования. КГ поставила вопросы о синонимии конструкций на базе не пропозиционального тождества, а единства категориального значения, о возможности взаимозаменяемости предложений с переходным (активным) и возвратным (страдательным) предикатом в тексте как условия синтаксической синонимии. Невозможность замены активной конструкции на пассивную в ряде контекстов заставляет 1) установить характерные признаки контекстов, «впускающих» или «не пропускающих» пассивную конструкцию; 2) искать причины таких ограничений в грамматике текста – в способах прочтения глагольной и именной грамматики в контекстуальных условиях.

Во **второй** главе обсуждаются категория субъекта и категория действия.

Понятие субъекта рассматривалось в вербоцентрической грамматике применительно к субъекту диктальному: (1) в семантическом плане как одна из семантических ролей (участник ситуации – субъект действия (агенс), субъект состояния (экспериенцер)), (2) в линейном порядке как подлежащее, имя в Им.п., которое является воплощением одной из валентностей глагола. В современной объяснительной, антропоцентрической грамматике термин «субъект» применяется не только для интерпретации диктальных компонентов, но и для интерпретации говорящей личности, тем самым

термин распространяется на модусную составляющую высказывания и текста.

Категория субъекта – диктального и модусного – получает в главе интерпретацию как понятие современной грамматики, рассматриваются филологические отрасли – источники, из которых современная грамматика черпала знания о субъекте: структурная поэтика, лингвистическая семантика и прагматика и традиционная стилистика.

В работе показано, как исследователи, принадлежащие к разным школам и направлениям, обнаруживают и интерпретируют категорию субъекта посредством разной терминологии: «образ автора», позиция/точка зрения говорящего, наблюдатель, личная сфера, фокус эмпатии, ипостаси говорящего, субъектная сфера в составе субъектной перспективы текста.

Особое внимание уделено терминам КГ: синтаксема (обусловленная), субъектная перспектива текста и коммуникативный регистр речи. Модель субъектной перспективы текста и коммуникативный регистр речи являются инструментами текстового анализа. Субъектная перспектива позволяет соединить в одном исследовании актантную структуру глагола и участников речевого акта, коммуникативный регистр являет собой растворенный в тексте модус. Если субъектная перспектива определяет, кому принадлежит модус, то в коммуникативном регистре воплощается семантика модусного предиката, тем самым два измерения (субъектное и модусно-предикатное) соединяются на уровне текста.

На уровне предложения категория субъекта (диктального, действующего) соединяется с категорией действия; эти категории воплощаются в субъекте и предикате предложения, получая характеристики «агентивность» (для субъекта) и «акциональность» (для предиката). Приводятся признаки, которые обсуждаются в лингвистической литературе в связи с понятием «акциональность» – **воля, контроль над действием, динамика, целеполагание, наблюдаемость**. В главе анализируются

классификация глаголов действия Ю.С.Степанова, типология предикатов Т.В.Булыгиной, глагольная классификация Ю.Д.Апресяна.

Глава заканчивается обсуждением системного статуса возвратных глаголов, т.е. обоснованием их интерпретации как обусловленных синтаксисом, значение которых прочитывается через функцию. Инструменты регистра и субъектной перспективы позволяют дать интерпретацию возвратному глаголу в рамках текстового фрагмента – тем самым выдвигается идея, что обусловленность возвратного глагола осуществляется не только на уровне предложения, но и на уровне текста. Возвратные глаголы предполагают взаимодействие семантики корня, типового значения предложения, категорий уровня текста.

В **третьей главе** предложена интерпретация разных типов возвратности с учетом взаимодействия субъектов диктума и субъектов модуса, что терминологически обозначено как инклюзивность/эксклюзивность говорящего³.

Рассматриваются значения возвратности, которые «уплотняют» диктальную часть субъектной перспективы (тождество объекта и субъекта действия): эти возвратные глаголы предикативно сопрягаются с личными субъектами, инициатива и энергия действия принадлежит предикатируемому субъекту; именно такие возвратные глаголы адекватно интерпретируются через традиционные определения залога, которые учитывают только диктальную часть субъектной перспективы (отношения между действием и его субъектом и объектом). Это собственно- и взаимно-возвратность. Они сохраняют значение действия и располагают полной парадигмой по времени и лицу.

Показано, что некоторые из значений возвратных глаголов являются модусно-нагруженными:

³ Термины «инклюзивность/эксклюзивность» в этой работе не соответствуют традиционному пониманию «*Мы* инклюзивное», «*Мы* эксклюзивное». Термины «инклюзивность/эксклюзивность» вслед за Г.А.

1) Возвратность с «инкорпорированным» объектом. Показано различие между собственно-возвратным значением и возвратным с «инкорпорированным» объектом, которое является модусным расширением собственно-возвратного и тем самым составляет его периферию. Речь идет о необоснованном расширении личной сферы субъектом речи, что и придает ненормативный характер примерам. (Нормально постфиксом закрывается та часть личной сферы, которая включает тело, лицо человека, его психоэмоциональную сферу, а также социально значимый объект, но не обыденный отчлняемый объект, ср.: *Иван строится (=строит дом) – ?Где у вас можно повеситься (=повесить одежду)?; ?Женщина, вы сами будете заворачиваться (= заворачивать покупку)?⁴*

2) Активно-безобъектные возвратные глаголы (*собака кусается, крапива жжется*). Они дают качественное значение, которое характеризуется инклюзивностью субъекта речи в класс объектов действия. Это значение осмысливается уже на уровне синтаксемы, как и собственно-диктальные значения.

3-4) Страдательное и качественно-характеризующее значения. Они предполагают предикцию к объекту действия.

Страдательность зависит от корневой семантики и контекста, ср.: *Одним словом, про них **говорилось** чрезвычайно много похвального. Но были и недоброжелатели. С ужасом **говорилось** о том, сколько книг они прочитали* (Достоевский, Идиот). – *В этом ящике **прятался сахар** от нас, детей* (разговорная речь). Я говорящего прочитывается в страдательном значении эксклюзивно. Предложения с эксклюзивным Я часто используются для обозначения действий властной инстанции, ср.: *Щерба **отводится** от лингвистики и **приковывается** к экспериментальной фонетике* (из письма В.В. Виноградова к жене).

Золотовой употребляются в значении совпадения/ несовпадения и сближения/отдаления субъекта модуса и субъекта диктума.

⁴ Примеры из разговорной речи – из доклада С.С. Сая.

Качественное значение возникает на базе страдательного, являясь результатом инклюзивного прочтения субъекта действия, т.е. оно всегда контекстно обусловлено, ср.: *Знак лауреата **носится** на левой стороне груди⁵* (страдательное значение, эксклюзивное Я). – *Немецкая обувь долго **носится*** (качественное значение, инклюзивное Я).

Страдательное значение (эксклюзивное Я) может иметь должностовательную семантику, качественное (инклюзивное Я) – потенциальную.

В главе также обсуждается грамматическая семантика возвратных глаголов совершенного вида, предципирующих объект действия. Возвратные предикаты совершенного вида сужают сферу субъекта действия (от инклюзивного Я к только-Я), сигнализируют о потере субъектом действия контроля над действием и об обладании результатом (ср.: *текст читается – текст прочитался*).

Модусно-нагруженные значения, являясь интерпретирующими предикатами, не употребляются в репродуктивном регистре – даже глаголы с корневой семантикой конкретно-физического действия (*кусаться, жечься*), располагают неполной парадигмой по лицу: это *Он-* и *Оно-*предикаты, т.е. их акциональность ниже, чем у соответственных переходных глаголов.

В **четвертой главе** обсуждается страдательное значение возвратности и способы его прочтения в контексте. Страдательность соотносится в работе с такими признаками, как полисубъектность (наличие внешнего личного, целеполагающего каузатора и объекта, на который направлено действие) и акциональность.

I. В первом разделе страдательное значение рассматривается с точки зрения отношения семантики синтаксемы возвратного глагола и семантики контекста.

⁵ Пример В.С. Храковского.

Страдательное значение прочитывается (1) на уровне синтаксемы (изолированно) и (2) в контексте предложения и текстового фрагмента. Эти два варианта получения синтаксемой возвратного глагола страдательного значения представляют собой два полюса и соответствуют двум глагольным группам с разным категориальным значением: первая содержит глаголы принципиально полисубъектные (*пишется*), вторая – потенциально моно-/полисубъектные возвратные глаголы (*открывается*).

К группе (1) относятся возвратные глаголы с категориальным значением интеллектуальной, речевой, социальной деятельности (*писаться, говориться, наказываться, арестовываться* и т.п.), всегда предполагающие целеполагание (т.е. человеческую деятельность в своей основе).

К группе (2) относятся глаголы переместительной⁶ и деструктивной семантики (*открываться, литься, разрушаться*). Перемещение и разрушение (изменение) может быть обусловлено как действием природной силы (ветер, солнце, сила тяжести и т.п.), так и человеческой волей. Наличие внешней причины, выраженной в предложении Тв. беспр., было для А.А.Шахматова и В.В.Виноградова маркером страдательности, ср. у Е.В.Падучевой: возвратный глагол типа *открываться* в отсутствие Тв. признается декаузативом. В работе предлагается уточнить смысл термина «декаузатив»: это не отсутствие каузации у ситуации, а интерпретация говорящим непричастности к каузации и контролю над действием либо самого говорящего (*Дверь открылась, и вошла Наташа*), либо класса всех людей (*Земля вращается*).

В работе выдвигаются грамматические факторы, указывающие на обусловленность ситуации внешней целеполагающей деятельностью (не субъекта в подлежащем)⁷:

1) Иерархия субъектов (*Власти утверждают, что супруга Ивлева не задерживалась; С поля удаляется Петров*). Субъекты предложений

⁶ Здесь не имеются в виду глаголы движения типа *идти/ходить*; в соответствии с традицией В.В. Виноградова сюда относятся глаголы изменения положения в пространстве (Русский язык 1947, с. 632).

прочитываются как объекты действия: инициатива действия принадлежит не им, а неназванному субъекту. Учет в содержании предложений субъекта высшего ранга позволяет уточнить классификацию субъектов по Ю.С.Степанову: между *Я* как высшей ступенью индивидуности и *Он* располагается неиндивидуальный субъект – властная инстанция. Максимальной степенью индивидуности *Я* объясняется некорректность предложений с *Я*-субъектом: в отношении *Я* не выстраивается субъект более высокого ранга. Это может использоваться в художественном тексте – для характеристики косноязычия героя либо указания на его униженность: *Я вызываюсь в Сибирь* (Лебядкин – Достоевский); *Я постоянно обхамливаюсь* (Трифонов).

Иное распределение ролей (и, соответственно, иное соотношение акциональных признаков – цели, инициативы и исполнения) представлено собственно-возвратным значением: *Она одевается у Юдашкина, стрижется у другого мастера*, где инициатива и целеполагание принадлежит действующему субъекту-подлежащему, а осуществление – специалисту-исполнителю (ср. у А.В. Исаченко и в ТФГ, где решающим признаком при квалификации таких предложений признается именно полисубъектность, а не то, кому принадлежит воля и цель).

2) Наличие дестинативных синтаксем или наречий⁸, обнаруживающих целеполагание:

*Меж тем, для пользы и красоты,
На бесконечные усы
Лились восточны ароматы...* (Пушкин)

Синтаксема возвратного глагола *лились* может прочитываться «декаузативно» в условиях репродуктивного регистра и через действие личного субъекта – при учете дестинативной синтаксем (для пользы и красоты) – в информативном регистре. Ср. также: *Старуха его работала в*

⁷ Речь идет о возвратных глаголах в несов.в.

⁸ Подобное наблюдение см. также в работе В.И.Гавриловой с примером *Армия разлагается, и весьма искусно*.

санитарной больнице, и поэтому спирт у них никогда не переводился и никогда не переводился зря (Саша Соколов)⁹.

На периферии рассмотренных групп находятся глаголы той же категориальной семантики, что и в ядре, но с другим поведением: на периферии первой – (1а) глаголы, которые могут получить моносубъектное прочтение в контексте, на периферии второй – (2а) глаголы, которые удерживают внеконтекстную полисубъектность. «Периферийные» глаголы ведут себя так же, как глаголы противоположной группы-полюса, что является результатом наложения индивидуальной (или более частной категориальной) семантики на общую семантику группы.

(1а) Моносубъектное прочтение могут получать те глаголы группы (1), которые имеют своей целью «благо субъекта» (*учиться, лечиться, выписываться (из больницы), увольняться* и т.д.), тогда действие может замыкаться в одной субъектной сфере – ср. с традиционно выделяемой семантикой среднего залога: «заинтересованность» субъекта в действии» (Э. Бенвенист); напротив, глаголы репрессивной семантики (*наказываться, арестовываться*) всегда осмысляются через две несовпадающие субъектные сферы – субъекта воздействующего и субъекта испытывающего.

Степень агентивности имени в подлежащем, накладываясь на семантику глагола, позволяет прочитывать значение предиката через одну субъектную сферу (в которой совпали субъект и объект действия) или через внешнего каузатора, ср.: *Баскетболисты <?Собаки> тренируются, (чтобы выступить на соревнованиях)*. Тестом становится способность субъекта в подлежащем к целеполаганию. Недостаточный для соотнесенности с целеполаганием агентивный статус имени приводит к комическому эффекту.

(2а) Полисубъектными (каузативными) являются некоторые глаголы с семантикой перемещения:

*Весна! **выставляется** первая рама,
И в комнату шум ворвался,*

⁹ Пример Е.М. Лазуткиной.

*И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса (А. Майков).*

В сов. виде появляется возможность двойной интерпретации (выставиться): *Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развешивала его на протянутой веревке выветривать. Скоро старый мундир с изношенными обшлагами протянул на воздухе рукава и обнимал парчовую кофту, за ним высунулся дворянский... Наконец, одно к одному, выставилась шпага... Потом завертелись фалды чего-то похожего на кафтан... Из-за фалд выглянул жилет... Все, мешаясь вместе, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрелище...* (Гоголь). Возвратный глагол *выставилась* (шпага) может осмысляться через агенса (бабу) и через динамику объекта; определяющим, однако, является контекст, указывающий на высокую степень агентивности, самостоятельности предметов вещного мира.

II. Во втором разделе рассматриваются условия синонимии действительной и страдательной конструкции.

Показано, что в страдательно-возвратных предложениях происходит не только сужение лексической и грамматической семантики субъекта действия, но и ограничение по линии времени (узуальное, повторяющееся), тем самым возвратность, соединенная с модусной обусловленностью (в частности страдательностью), является средством обобщения ситуации, способом передачи языковыми средствами внеязыковой закономерности.

Обнаруживается и ограничение по линии лица: возвратно-страдательные предикаты являются *Он-*, *Оно-*предикатами (по классификации Ю.С.Степанова). Грамматическая семантика обобщения по линии синтаксического времени предполагает ограничение и по лексической семантике: страдательное значение с трудом принимают глаголы конкретного физического действия, их возвратные синтаксемы скорее прочитываются на уровне диктальных субъектов – в собственно- и взаимно-возвратном значениях, которые употребительны и в наблюдаемых

контекстах, ср.: *мыть – мыться, рубить – рубиться, бить – биться*. Тем самым подтверждается идея о снижении акциональности в возвратно-страдательных предложениях, синонимия между активом и пассивом проявляется не на всем глагольном спектре, а на его ограниченной части.

Следствием ограниченности возвратно-страдательных предикатов по глагольным категориям времени и лица является их регистровая ограниченность – принадлежность в основном информативному и волюнтивному регистрам. Ср. также в условиях репродуктивного регистра (что встречается редко) повторяемость, многократность: *У Агабекова были гости. В громадной гостиной – Ляля таких больших комнат никогда и не видела, метров сорок – за столом под люстрой, как в театре, сидели несколько мужчин и женщин, ужин был в разгаре, еды много, отборной и, сразу видно, не домашнего приготовления, а из ресторана... Поднимались тосты, произносились речи* (Трифонов). Еще одно следствие – функционально-стилистическая предназначенность: возвратно-страдательные предложения востребованы в прескриптивных текстах, в мемуарах – в условиях удаления по линии времени (в мемуарах) и субъекта (в прескриптивных текстах) от *Я* говорящего.

Рассматривается вопрос о синонимии страдательно-возвратных и неопределенно-личных предложений в связи с регистровой принадлежностью и эксклюзивностью говорящего.

Если эксклюзивность *Я* в неопределенно-личных предложениях абсолютна, то эксклюзивность говорящего в страдательно-возвратных предложениях – это эксклюзивность по отношению к *Я* момента речи, что допускает прочтение в нулевом субъекте *Я* в другой временной инстанции (например, *Я* прошлого в мемуарах: *И новогодние подарки с елок. В больших пластиковых зайчиках, медведиках, лисичках, снежинках. Подарок вытряхивался и старательно перебирался, конфеты пересчитывались. А на кремлевской елке давали конфеты в красных кремлях*), ср. также в публичной, научной речи: *Как уже говорилось выше...* – для повторного

ввода собственного слова («как я уже говорил») – наблюдение Т.В. Булыгиной, сравнивавшей *Как здесь говорилось* – *Как здесь было сказано* – *Как здесь говорили* (устное выступление на одном из заседаний семинара «Логический анализ языка» в ИЯз РАН).

При синонимии неопределенно-личных и возвратно-страдательных предложений между ними обнаруживается разница: первые обладают большими функциональными возможностями по категории времени (они предназначены для употребления в репродуктивном и информативном регистре), вторые – по категории лица.

III. Во третьем разделе главы обсуждается грамматическая и лексическая семантика субъектных синтаксем Тв. беспредл., у+Род. (а также от+Род., через+Вин.).

Показано, что синтаксема Тв. часто организуется неиндивидуальными именами, представляющими исполнителей; индивидуальные имена, как правило, некорректны в таких контекстах, ср.: ?*Корабль управляется **Иваном*** (пример Т.П. Ломтева) – *Корабль управляется **капитаном первого ранга***. Тем самым эта синтаксема сближается с инструментальной. Категориальная семантика имени в Тв. ограничивается, в референциальном плане – это «общие имена» (Ю.С. Степанов), или имена классов, находящиеся на «семантическом стыке» предметных и признаковых имен. Таким образом, обнаруживается «семантическое согласование» элементов разных уровней языковой системы, которыми и образуется конструктивно-обусловленная «субъектная» синтаксема Тв.: орудийная грамматическая семантика Тв. накладывается на орудийно-исполнительскую категориальную семантику имени (имена должности), а субъектная синтаксема Тв. сближается с инструментальной синтаксемой Тв. (Диалектный материал показывает, что в говорах обусловленная синтаксема Тв. от неиндивидуальных имен, сближающаяся с инструментальной, получила большее развитие, чем в литературном языке, и употребляется также при переходных глаголах: *Колодец выкопали **жонками***, *Раньше детей **попом** крестили* – примеры С.К.

Пожарицкой) Ср. также у К. Симонова: *есть чем воевать, есть кем воевать.*

У+Род., употребляясь наряду с Тв. и осмысливаясь на фоне предиката, обнаруживает собственную специфику: 1) формируется обычно именами индивидуальными, собственными, 2) обозначает границы пространства личного субъекта, в рамках которого осуществляется глагольный признак, 3) имеет значение, наряду с пространственным, субъекта – контролера пространства. Синтаксема у+Род., будучи связана с пространством, т.е. статическим параметром, гасит динамику, задает менее акциональное прочтение возвратных глаголов по сравнению с Тв., который осмысливается через динамику процесса (восходит к инструментальному значению) и способствует более акциональному прочтению возвратного предиката. Ср.: *У портного мастера Шилинга, который живет по Казанской улице..., продаются за дешевую цену новомодные волосяные и стальные парики.*

В пятой главе предлагается интерпретация предложений с возвратными глаголами на фоне субъектной перспективы текста.

Возвратность в тексте обнаруживает модусно-ориентированный характер, является средством субъективации текста, способом обнаружения позиции говорящего и построения «образа автора». В главе обсуждается идея о том, что предложения с возвратными глаголами в художественном тексте выполняют особую функцию – соединяют фрагмент изображаемой действительности с определенной точкой зрения, или с конкретным типом модуса, и позволяют соотнести позицию автора и героя не только в пространственно-временном плане, но и в плане психологии и идеологии (в терминологии Б.А. Успенского).

Рассматриваются возвратные глаголы с семантикой перемещения. Для анализа были выбраны фрагменты из текстов русской художественной литературы, содержащие предикативные единицы, организованные статическим (предметным) субъектом и динамическим предикатом,

функционирующие в условиях репродуктивного регистра (например, *Дверь открылась*).

«Декаузативы» от глаголов перемещения в репродуктивном регистре функционируют как средство создания (1) крупного кадра и (2) общего плана – центр тяжести смещается с изображения диктальной картинки в сторону характеристики позиции модусного субъекта. Возвратность не уничтожает сему причины (она обнаруживается в тексте рядом), а выполняет роль оптического прибора, позволяющего приближать изображение к субъекту сознания, в грамматических терминах – это удаление действия от субъекта действия и приближение его к субъекту наблюдения. Возвратный предикат, таким образом, указывает на то, что субъект действия не входит в поле зрения – в силу особенностей пространственной позиции наблюдателя (субъект действия не виден) или же в силу особенностей его психологического состояния (взгляд сосредоточен на объекте).

Общий план: *...все эти разговоры теперь не занимали Петю; он сидел на своем возвышении пушки, все так же волнуясь при мысли о государе и о своей любви к нему. ...Вдруг с набережной послышались пушечные выстрелы ... Еще продолжались выстрелы, когда из Успенского собора выбежали офицеры, генералы, камергеры, потом уже не так поспешно вышли еще другие, опять **снялись шапки** с голов, и те, которые убежали смотреть пушки, бежали назад (Л.Н. Толстой).*

Крупный кадр: *Она отклонилась от него, выпростала, наконец, крючок из вязанья, и быстро, с помощью указательного пальца, **стали накидываться одна за другой петли** белой, блестящей под светом лампы шерсти, и быстро, нервически стала поворачиваться тонкая кисть в шитом рукавчике (Л.Н. Толстой).*

Психология наблюдателя: *Волк вынул из кармана черный, смазанный машинным маслом браунинг и направил его на Василису. Ванда тихонько вскрикнула: "Ай". Лоснящийся от машинного масла кольт, длинный и*

*стремительный, оказался в руке изуродованного. Василиса согнул колени и немного присел, став меньше ростом. Электричество почему-то вспыхнуло ярко-бело и радостно. ...Гигант тотчас тряхнул сундук, как коробку, а изуродованный шмыгнул к печке. **Револьверы спрятались.** Изуродованный кулаками постучал по стене, со стуком открыл заслонку, из черной дверцы ударило скуповатым теплом (Булгаков).*

В случаях, когда в пределах изображаемого пространства-времени не обнаруживается личный претендент на выполнение роли субъекта действия, сознание субъекта, находящегося в фокусе эмпатии, может объяснять происходящее действием неличной силы: *Когда, неся под мышкой шпагу и рапиру, спутники проходили подворотню, Маргарита заметила томящегося в ней человека в кепке и высоких сапогах, вероятно, кого-то поджидавшего. Как ни были легки шаги Азazelло и Маргариты, одинокий человек их услышал и беспокойно дернулся, не понимая, кто их производит. <...> Второго, до удивительности похожего на первого, человека встретили у шестого подъезда. И опять повторилась та же история. Шаги... Человек беспокойно обернулся и нахмурился. Когда же **дверь открылась и закрылась**, кинулся в подъезд, но ничего, конечно, не увидел (Булгаков).*

Другой объект исследования в главе – возвратные глаголы речи, которые рассматриваются в связи с точкой зрения субъекта сознания в многомерном романном пространстве. Возвратные предикаты речи указывают на дистанцированность субъекта сознания от субъекта речи и от содержания речи (пространственный и идеологический план по Б.А. Успенскому). См., например: *Мало-помалу и распространившиеся было по городу слухи успели покрыться мраком неизвестности. **Рассказывалось**, правда, о каком-то князьке и дурачке (никто не мог назвать верно имени), получившем вдруг огромное наследство и женившемся на одной заезжей француженке, известной канканерке в Шато-де-Флер в Париже (Достоевский); Левин стоял в маленькой зале, где курили и закусывали, подле*

группы своих, прислушиваясь к тому, что говорили, и тщетно напрягая свои умственные силы, чтобы понять, что говорилось (Л.Н. Толстой).

Отдельный параграф посвящен английским переводам русских «декаузативов», где прослеживаются разные переводческие тактики в выборе глагольной формы в связи с категориальной семантикой глагола, референциальным статусом субъекта действия и типом объекта. Возвратный глагол перемещения может переводиться как страдательное причастие, как переходный глагол (с объектом), как непереходный глагол (без объекта).

Исследование показывает, что

страдательный предикат (причастие – предикат с тождественным количеством актантов, однако с потерей динамики оригинала) выбирается в переводе в случае нереферентного, множественного субъекта действия: *опять снялись шапки с голов* (Л.Н. Толстой) - *caps were again raised...*;

выбирается переходный предикат и восстанавливается актантный набор, в том числе субъект действия, в случае референтного, конкретно-индивидуального субъекта действия: *Турбин нарисовал ручкой молотка на груди у больного знак вопроса. Белый знак превратился в красный.* <...>

- *Ничего особенно святого я в своем труде не вижу. Беру я за курс, как все. Если будете лечиться у меня, оставьте задаток.*

- *Очень хорошо.*

Френч растянулся (=Пациент растянул френч, чтобы достать деньги) (Булгаков).

'Look, why do you keep using the word "sacred"?_I see nothing particularly sacred in my work. I charge the same for a course of treatment as every other doctor. If you want me to treat you, leave a deposit.'

'Very well.'

He unbuttoned his tunic.

В разделе также обсуждаются переводы предложений с предикатами «стандартного» движения предметов (*дверь открылась, порох сыплется, лифт поднимается*). Здесь обнаруживается как сходство, так и различие

между русской и английской грамматикой: с одной стороны, для изображения движения и личных, и неличных субъектов в обоих языках используется непереходный глагол, с другой – в русском он морфологически маркирован (возвратностью), в английском – не маркирован (непереходность синтаксична – устанавливается отсутствием объекта). Ср.: *Пей!* – *сказал палач, и пропитанная водою губка на конце копья **поднялась** к губам Иешуа* (Булгаков). - *'Drink!' said the executioner, and a water-soaked **sponge** on the tip of a spear **rose** to Yeshua`s lips.*

При переводе русских художественных текстов на английский язык выбор языковых средств может вести (1) к объективации содержания – как за счет глагольной грамматики (восстановление субъекта действия), так и за счет выбора именных синтаксем, что изменяет субъектную перспективу фрагмента: из нее изымается сфера личностного (внутреннего, сюжетного) субъекта сознания; (2) к статичности изображения в сцене – за счет выбора причастного предиката.

Текст диссертации завершается **Заключением**, в котором подводятся итоги исследования. Наиболее важными из них являются следующие:

1) Интерпретация разных типов возвратности может быть представлена на основании действия одного и того же грамматического механизма – в связи с перенаправлением энергии переходного/непереходного глагола в возвратном глаголе, индивидуальной и категориальной семантикой глагола и категорией субъекта – диктального и модусного. Различаются два варианта перенаправления энергии – (1) субъектом диктума (*мальчик моется*) и (2) субъектом модуса, где в «объективное положение дел» «вмешивается» субъект модуса – говорящий.

2) Возвратность представляет собой способ встраивания предложения в определенную субъектную перспективу: это не только и не столько результат зачеркивания одной из валентностей глагола и не простое изменение актантной структуры глагольной лексемы, сколько создание

«места» для субъекта модуса. С дистанцированностью субъекта речи (сознания) связана, в частности, интерпретация «декаузативов».

3) Возвратно-страдательные предикаты взаимодействуют с неиндивидуальными (нереферентными) субъектами -исполнителями, что является сигналом снижения агентивности и акциональности по сравнению с активной конструкцией.

4) Сфера функционирования возвратно-страдательных предикатов задается в основном информативным регистром (узуальное время, повторяемость событий) и дистанцированным субъектом модуса. Свидетельством снижения акциональности возвратно-страдательных предикатов является ограниченность взаимодействия с перцептивным модусом.

5) В субъектной перспективе художественного текста возвратные глаголы выступают как средство обнаружения субъекта сознания: наблюдателя в репродуктивном регистре, субъекта знания и мнения в информативном регистре.

6) Залог является точкой взаимодействия лексической, морфологической, синтаксической семантики и текстовых категорий «образа автора» и коммуникативного регистра речи.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Об одной грамматической примете субъекта повествования в романах Достоевского // Новые подходы к интерпретации текста: Материалы межвуз. конф. С-Пб., 2002. – С. 98–101.

2. Возвратность с точки зрения коммуникативной грамматики // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 8-10 июня 2002). М., 2003. – С. 64–68.

3. Семантика творительного «субъектного» при возвратной форме глагола (тезисы) // II Международный конгресс исследователей русского

языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18 – 21 марта 2007 г.). М., 2004. – С. 233-234.

4. Семантика творительного «субъектного» при возвратном глаголе // Русская филология. 16: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2005. – С. 239 – 246.

5. Внешняя точка зрения и возвратная форма глагола речи в высказывании и тексте // Текст. Структура и семантика: Доклады X Юбилейной международной конференции. Т. 2. М., 2005. – С. 249 – 256.

6. Взгляды В.В. Виноградова на залог и русистика второй половины 20 века // Восьмые международные Виноградовские чтения. Русский язык: уровни и аспекты изучения: Сборник научных трудов. М., 2005. – С. 70 – 80.

7. Страдательное значение возвратной формы глагола в контексте грамматических идей В.В. Виноградова // Виноградовские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 110-летию акад. В.В. Виноградова, 12 мая 2005 г. Коломна – Зарайск, 2005. – С. 97 – 106.

8. Норма и возвратные глаголы в совершенном виде // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: 2006. – С. 412 – 422.

9. О соотношении возвратности и акциональности в семантике русского глагола // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.). М., 2007. – С. 199 -200.

10. Возвратные глаголы как модусная категория // Виноградовские чтения: Материалы научно-практической конференции. 3 октября 2007 года. Москва, Зарайск, 2007. – С. 69 – 80.

11. Русские возвратные глаголы на фоне субъектной перспективы текста // Электронный журнал "Исследовано в России", 100, стр. 1099-1109, 2008 г. <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2008/100.pdf>